

УДК 81
ББК 80+81.432.4

Е.Ю. Донскова

**СУБЪЕКТИВНАЯ
МОДАЛЬНОСТЬ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ
СТАТУС
И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ**

В статье рассматриваются основные характеристики субъективной модальности, уточняется её статус как текстообразующей категории. В свете существующих концепций модальности устанавливаются параметры субъективной модальности в художественном тексте, особо подчеркивается её аксиологический характер. Первичная оппозиция оценочно-характеризующих и собственно-оценочных значений позволяет выявить в художественном тексте весь спектр модальных значений и раскрыть прагматический потенциал данного феномена.

Ключевые слова: *субъективная модальность, прагматический потенциал, художественный текст, оценочность, продуцент, реципиент.*

DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-94-102

Донскова Екатерина Юрьевна – соискатель кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-961-307-10-01
E-mail: katyapavlenko88@mail.ru

© Донскова Е.Ю., 2016.

Изучение модальности в языке и тексте сохраняет свою актуальность в современной лингвистической парадигме. Многоаспектный характер данного феномена обуславливает поливариативность истолкования этого термина, которые позволяют характеризовать данный феномен с различных позиций. По всей видимости, в науке о языке нет другой категории, по отношению к которой выдвигались бы столь противоречивые концепции. Понимание модальности в координатах формальной классической логики как явно или неявно выраженной информации о логическом статусе, о взаимосвязи реальных явлений, а также об оценке и других параметрах суждения становится основанием широкого истолкования термина. С таких позиций любое суждение всегда характеризуется определенной модальностью.

Впервые концепция модальности была предложена В.В. Виноградовым, её основные тезисы сохраняют своё влияние на современное развитие лингвистических теорий. В.В. Виноградов определяет модальность как субъективно-объективную категорию, которая становится конструктивным признаком предложения: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Виноградов, с. 55].

Для развития теории модальности важное значение имеет также и концепция модальности Ш. Балли, который выявил два компонента высказывания – диктум и модус [Балли]: первый представляет собой предметно-логическое содержание высказывания, соотносимое с описанием некоторой ситуации, второй репрезентирует отношение этой ситуации к действительности, а также выражает суждение Говорящего по отношению к диктуму. По Ш. Балли, модальность – категория синтаксическая, манифестируемая, прежде всего, посредством модальных глаголов.

Дальнейшее изучение модальности существенно расширили понимание данной категории, которое теперь включает самые разные явления, зачастую размывая границы понятия. Например, А.В. Бондарко подчеркивает, что характеристики модальности требуют уточнений с позиций её понимания как отношения, которое устанавливается Говорящим между пропозицией высказывания и действительностью [Бондарко, с. 35]. Именно поэтому важное значение приобретает указание на доминанту модальности как отношение к реальности / ирреальности, которое представлено в значениях:

1) актуальность / потенциальность (возможность, необходимость, гипотетичность и т.д.);

2) оценка достоверности;

3) коммуникативная установка высказывания;

4) утверждение / отрицание;

5) засвидетельствованность (пересказывание / непересказывание).

По А.В. Бондарко, к модальности не имеет отношения качественная оценка дескриптивного содержания высказывания по критерию «хорошо / плохо»: семантика модальности лишь отчасти коррелирует с оценочностью, являясь особой семантико-прагматической сферой, что не исключает отнесения качественной и эмоциональной оценки к периферии поля модальности [Бондарко, с. 38].

На наш взгляд, в изучении художественного текста значимы концепции, выделяющие два типа модальности – объективную и субъективную. Объективная модальность эксплицирует отношение высказывания к действительности, субъективная реализует отношение Говорящего к сообщаемому. Такой подход позволяет рассматривать модальность как языковую категорию, которая отражает объективные связи в предложении и степень достоверности предложения с точки зрения Говорящего [Бондаренко, с. 32]. «Русская грамматика-80» соотносит объективную модальность с категорией предикативности, которая представляет собой сложное языковое единство и формируется на основе значений объективной модальности. Субъективная модальность образует первичную оппозицию оценочно-характеризующих и собственно-оценочных значений. Значит, оценка составляет сущностный признак субъективной модальности [Русская грамматика, с. 216].

Основной прагматической функцией объективной модальности является маркирование отношения смысла высказывания к действительности как реального / ирреального, что репрезентировано на уровне

синтаксического членения предложения с помощью форм наклонений, модальных слов и частиц, а также интонации. Субъективная модальность не облигаторна для высказывания, реализуя формально-грамматическое значение; её семантику определяет оценка Говорящим описываемых фактов (уверенность / неуверенность, согласие / несогласие, позитивная / негативная оценка).

Антропоцентрический характер данной категории обуславливается включением личности в различные системы норм и ценностей в процессе социокультурной деятельности, что позволяет выработать оценочные таксономии как когнитивный базис модальностей. Сама субъективность языка продуцируется посредством категории оценки как основы модальностей, а их объем и содержание не могут быть корректно параметрированы вне установления взаимосвязи действительности, языка, когнитивной и аксиологической деятельности субъекта.

А.Г. Баранов выстраивает на основе учета всех аспектов ценностного отражения действительности, манифестированных в системе когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций языка, иерархию ценность – оценка – модализация, в пределах которой создается возможность полного параметрирования содержания модальностей и их текстовых реализаций [Баранов, с. 190].

Несомненно, модальность представляет собой многоуровневую оценку действительности продуцентом текста и транслирование её реципиенту. В этом отношении значима классификация интересубъективных видов модальности: выделяется деонтическая (предписывающая), эпистемическая (описывающая), аксиологическая (оценивающая) модальности. Последняя реализует в художественном тексте основные значения поощрения (позитивная оценка) и порицания (отрицательная оценка).

Модальный компонент в большей степени реализуется в прагматической структуре высказывания, свидетельством чему является пересечение функционального потенциала модальности и прагматики в плане определения отношений между субъектами коммуникации, между высказываниями, объектами суждений, т.е. оценки отношений к объектам в различных условиях и ситуациях. Таким образом, оценочная модальность как определяющая основа субъективной модальности представляет собой важный компонент организации речевого потока, для которого принципиальным оказывается существование «самых разнообразных модальных систем, богатство которых <...> может ошеломить каждого» [Хинтиikka, с. 41]. Конвергенция модальностей как совокупность различных модальных средств формирует «модальный контекст», актуализирующий мотив, настроение, чувство, а «модальность текста реализуется ... через постепенное накапливание сигналов авторской модальности...» [Белик, с. 18].

В координатах изучения художественного текста субъективная модальность демонстрирует синтез различных видов модальностей, что отражает и усложненный характер референтности такого текста, и спе-

цифику сочетаемости и трансформации оценочных структур. Различные способы выражения субъективной модальности позволяют сделать кардинально важные выводы об аксиологической системе продуцента художественного текста, установить ориентиры для интерпретации текста в целом, определив доминанты его импликационала.

Поэтому оценочный характер отношения реципиента к художественному тексту может быть непротиворечиво включен в парадигму изучения модальности, в связи с чем корректным представляется утверждение Анны В. Кузнецовой: «... авторская интенция и суггестивный потенциал художественного инструментария идиодискурса детерминируют включение в поле интерпретации эмоционально-личностного отношения читателя к художественному тексту» [Кузнецова, URL].

Корректный анализ различных видов модальности может быть осуществлен только при учете её коммуникативно-прагматического потенциала, который реализуется в дискурсе и тексте. Художественный текст способен актуализировать смысл всех модальных единиц, что способствует возникновению модальности текста в целом. Модальность как текстообразующая категория объективирует такой модальный смысл, который не равен сумме модальных значений текстовых компонентов. Поэтому модальность художественного текста трактуется как «коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способа отражения между явлениями в тексте» [Донскова, с. 28]. Модальность художественного текста детерминирована эстетической концепцией автора, его интенцией и, в целом, мировоззрением и «выявляется в процессе интеграции частей и способов их сцепления, в характере предикативных и релятивных отрезков текста...» [Там же, с. 187].

Механизм синтеза объективного и субъективного в координатах модальности осуществляется как наложение общезыкового, общенационального на индивидуально-авторское, личностное, что обеспечивает модальности значимую роль в реализации прагматического и суггестивного потенциала художественного текста. Благодаря многоуровневой структуре акта художественной коммуникации модальность художественного текста способна транслировать различные планы отношений «автор – рассказчик – персонаж». Безусловно, модальность художественного текста может быть непротиворечиво описана, прежде всего, как отношение Говорящего к сообщаемому при исключении узкого смысла оценочности модальности. При этом неоспорима детерминированность субъективной модальности оценочным планом высказывания, а способы её выражения способны манифестировать аксиологическую систему продуцента текста, хотя он и не соотносит своё отношение со шкалой «хорошо / плохо».

На наш взгляд, субъективная модальность предстает во всем многообразии средств и значений в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего

времени». Благодаря постоянному варьированию позиций Говорящего и смене «масок» автор достигает полифонизма точек зрения, необходимого для психологического романа. В тексте представлены разнообразные лексико-грамматические средства репрезентации субъективной модальности. Таковы вводные конструкции, которые позволяют читателю представить не только Печорина, но и реакцию рассказчика, с позиций которого представлен портрет главного героя: «Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначающих гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства» [Лермонтов, с. 50].

Субъективная модальность в данном художественном тексте репрезентирована и посредством различных модальных частиц, которые в конкретном контексте реализуют коммуникативно-прагматический потенциал: «С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать<...> Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб» [Лермонтов, с. 50].

Тем не менее, наибольшее разнообразие репрезентации маркеров субъективной модальности данный текст демонстрирует в сфере уточнения эмоциональных оттенков отношения к происходящему. Так, например, рассказчик в повести «Бэла», проезжий офицер, в своем повествовании постоянно эксплицирует собственное мнение: «Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега» [Лермонтов, с. 9]. Характеристика, данная посредством словосочетания по модели «глагол + наречие» толпилось шумно даёт возможность читателю представить себе сами события, привлекая, в том числе, и определенные фоновые знания. Особой значимостью, на наш взгляд, обладает здесь и инверсия, уточняющая дополнительную оценочность высказывания рассказчика. В следующем предложении рассказчик вводит модальное значение долженствования с помощью сочетания должен был, значение которого расширяется за счет придаточного цели с союзом чтоб: «Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, – а эта гора имеет около двух верст длины» [Лермонтов, с. 9]. Кроме того, в данном макроконтексте представлены также лексемы и их сочетания, имеющие ярко выраженную коннотацию и отражающие отношение рассказчика к событию: втащить, (на) эту проклятую гору.

Особо следует выделить случаи употребления устойчивых фразеологизированных сочетаний в роли вводных конструкций: Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. [Лермонтов, с. 9]. Отметим, что в данном случае рассказчик, от имени которого ведется пове-

ствование, также маркирует в своем высказывании модальное значение сожаления.

Субъективная модальность обнаруживает оценочный характер посредством различных лексем и их сочетаний, имеющих ярко выраженную коннотацию: «Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком» [Лермонтов, с. 9]. Ср. также: «Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном!» [Лермонтов, с. 54].

Маркером субъективной модальности также выступают риторические вопросы и восклицания, которые эксплицируют отношение Говорящего к происходящему либо к рассказываемому: «Потом ей стало лучше, и она начала говорить, только как вы думаете о чем?.. Этакая мысль придет ведь только умирающему!..» [Лермонтов, с. 42]. Вопрос, адресованный собеседнику, оказывается лишь вводным замечанием к ключевой фразе, произнесенной Максимом Максимычем, которая предсказывает разрешение сюжетной ситуации – смерть Бэлы. Безусловно, значимыми в плане экспликации субъективной модальности становятся и те выводы, которые делает герой: «Нет, она хорошо сделала, что умерла! Ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович её покинул? А это бы случилось, рано или поздно...» [Лермонтов, с. 43].

Вопросительное предложение, представленное в высказываниях рассказчика, позволяет эксплицировать его восприятие отношений Печорина и Максима Максимыча: «Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться на шею» [Лермонтов, с. 54]. Безусловно, данный контекст эксплицирует и субъективную модальность рассказчика по отношению к Максиму Максимычу: «проезжий офицер», судя по всему, также зачастую не понимает и не принимает его излишней чувствительности.

Маркеры субъективной модальности многообразно эксплицированы в описаниях внешних проявлений эмоциональности персонажей. Так, в повести «Бэла» представлен рассказ Максима Максимыча, в котором представлено поведение Печорина: «Он слушал её молча, опустив голову на руки; но только я во всё время не заметил ни одной слезы на ресницах его: в самом деле он не мог плакать, или владел собою – не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывал» [Лермонтов, с. 42]. Первое высказывание *он слушал её молча, опустив голову на руки* даёт возможность реципиенту художественного текста представить внешние поведенческие маркеры, тогда как другие модальные маркеры, отмеченные в макроконтексте, выявляют отношение самого Максима Максимыча к происходящему (*только, не заметил ни одной слезы на ресницах его, в самом деле, не знаю*). Высказывание *я ничего жальче этого не видывал* эксплицирует, на наш взгляд, качества самого Максима Максимыча, которые в данном макроконтексте оказываются противопоставленными чертам характера Печорина. Также значимой здесь становится оценка

событий самим персонажем, что подтверждает приоритетность аксиологической модальности в её разновидностях (позитивная оценка / негативная оценка) для художественного текста.

Аксиологическая модальность характерна и для высказываний рассказчика или персонажей в случае характеристики внешности. Рассказчик, увидевший Печорина впервые, так говорит о нем: «*С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать*» [Лермонтов, с. 50]. Модальность неуверенности, сомнения позволяет здесь автору ввести новую для читателя информацию: изменчивость внешнего под воздействием внутреннего, что в целом свидетельствует о развитии психологизации прозы. Столь же меткие характеристики присущи речи рассказчика и в случае описания внешности Максима Максимыча: «*Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду*» [Лермонтов, с. 9]. Отношение симпатии, возникшее у рассказчика при первой встрече с данным персонажем, вполне оправдывается и в процессе общения. Особо следует выделить и необыкновенную наблюдательность рассказчика, которая, несомненно, свидетельствует о постоянном переключении регистров авторской и персонажной модальности.

Глубоким психологизмом отличаются и макроконтэксты, в которых представлены характеристики Бэлы. Так, Максим Максимыч передаёт её речь, что усложняет структуру высказывания: «*Начала печалиться о том, что она не христианка, и что на том свете душа её никогда не встретится с душой Григорья Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой*» [Лермонтов, с. 42]. Лексическое сочетание, выступающее в роли сказуемого *начала печалиться* эксплицирует отношение Максима Максимыча к Бэле, тогда как *никогда не встретится, иная женщина* – это уже высказывания самой героини. Внешние маркеры внутреннего мира приобретают особое значение ввиду их специфики в структуре художественного образа: «*Мне пришло на мысль окрестить её перед смертью; я ей это предложил: она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась*» [Лермонтов, с. 42]. Макроконтэкст вводится замечанием *мне пришло на мысль*, которое актуализирует субъективно-модальное значение, тогда как *посмотрела на меня в нерешимости, долго не могла слова вымолвить, наконец отвечала* маркируют как отношение Максима Максимыча к Бэле, так и внешние проявления её эмоционального состояния.

Субъективная модальность в художественном тексте характеризуется комплексом функций, среди которых наиболее значима характеристика персонажей, их взаимоотношений и степени эмоциональности, сюжетных событий. Безусловно, субъективная модальность способна оказывать влияние и на композиционную структуру художественного текста. Как целостная категория, участвующая в текстообразовании,

субъективная модальность манифестирована иерархически организованной системой модальных значений. Прагматический потенциал субъективной модальности в художественном тексте реализуется в тесной зависимости от объекта описания и авторской интенции, которая объективируется на уровне авторской / персонажной модальности.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, М.: Изд-во иностр. лит., 1955.

Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1993.

Белик Е.А. Художественные образные средства выражения модальности в художественных текстах русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 1996.

Бондаренко В.Н. Аналитические и синтаксические способы выражения модальности в немецком языке // Иностранные языки в школе. 1978. № 4.

Бондарко А.В. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос: (К 100-летию со дня рождения акад. В.М. Жирмунского). СПб., 2001.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. тр.: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.

Донскова О.А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте. М.: Наука, 1982.

Кузнецова Анна В. Категория «литературная личность» как исследовательский конструкт в трудах Сочинской лингвориторической школы // Науч. труды SWorld. Т. 20. 2014. URL: <http://www.sworld.education/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/dec-2014> (дата обращения 17.09.2015).

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 4: Проза. Письма. М.: Худ. лит., 1958.

Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Хинтиikka Я. Виды модальности // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981.

References

Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka, M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1955. 416 s.

Baranov A.G. Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. gos.un-ta, 1993. 182 s.

Belik E.A. Khudozhestvennyye obraznye sredstva vyrazheniya modal'nosti v khudozhestvennykh tekstakh russkogo i angliiskogo yazykov: avtoref. dis. na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk: 10.02.01, 10.02. Krasnodar: KubGU, 1996. 20 s.

Bondarko A.V. K istolkovaniyu semantiki modal'nosti // Yazyk, literatura, epос: (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. V.M. Zhirmunskogo). SPb., 2001. S. 34–40.

Bondarenko V.N. Analiticheskie i sintaksicheskie sposoby vyrazheniya modal'nosti v nemetskom yazyke // Inostrannyye yazyki v shkole. 1978. № 4. S. 32–41.

Donskova O.A. Sredstva vyrazheniya kategorii modal'nosti v dramaturgicheskome tekste. M.: Nauka, 1982. 113 s.

Khintikka Ya. Vidy modal'nosti // Semantika modal'nykh i intensional'nykh logik. M.: Progress, 1981. S. 41–59.

Kuznetsova Anna V. Kategoriya «literaturnaya lichnost'» kak issledovatel'skii konstrukt v trudakh Sochinskoi lingvistoricheskoi shkoly // Nauchnye trudy SWorld. T. 20. 2014. T. 20. URL: <http://www.sworld.education/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/dec-2014>. (data obrashcheniya 17.09.2015).

Lermontov M.Yu. Sbranie sochinenii. T. 4: Proza. Pis'ma. M.: Khud. lit., 1958. 596 s.

Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis. M.: Nauka, 1980. 710 s.

Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke // Izbrannye trudy: Issledovaniya po russkoi grammatike. M.: Nauka, 1975. 560 s.

Donskova E.Y. (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Subjective modality in fiction text: phenomenological status and pragmatic potential

The article deals with the basic characteristics of objective modality that specifies its status of text-forming categories. In light of the existing concepts of modality it is set the parameters of subjective modality in the art text, it emphasizes its axiological character. Initial opposition to an assessment and self-describing estimates and reveals in a literary text the whole range of modal values and reveal the pragmatic potential of this phenomenon. Synthesis of objective and subjective modality in the structure appears in the unity and cooperation of the general linguistic, national and individual copyright and personally. Subjective modality allows for a pragmatic and suggestive potential of a literary text to include multi-level relations, “the author - the narrator - character.” A consistent description of subjective modality can be carried out from the standpoint of establishing the relationship of the speaker to be reported. The pragmatic potential of subjective modality in the art text deterministic description of the object and intention of the author, objectified at the level of the author / modality of character.

Key words: *subjective modality, pragmatic potential, fiction, assessment, producer, recipient.*

Donskova Ekaterina Yurievna – post-graduate student. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: 8-961-307-10-01; e-mail: katyapavlenko88@mail.ru